

УДК 93: 323.26

Социальный протест в сфере народного образования в Иркутской области в конце 80-х – первой половине 90-х гг. XX в.

Е. С. Оболкин

Иркутский государственный технический университет, г. Иркутск

Исследуется генезис социального протеста в сфере народного образования в Иркутской области в конце 80-х – первой половине 90-х гг. XX в. Проанализированы деятельность и роль профсоюзов региона в социальном протесте; характеристика требований социального протеста в сфере народного образования и методы борьбы за их осуществление; меры, предпринятые властью в связи с социальным протестом в образовании; итоги протестного движения народного образования в Иркутской области.

Ключевые слова: социальный протест, забастовка, народное образование.

«26–27 сентября 1990 г. на всероссийском учредительном Съезде совершенно на новой основе было провозглашено создание Профессионального союза работников народного образования и науки РФ, был принят новый Устав профсоюза» [16, с. 37]. Впервые в качестве приоритетной задачи профсоюза была провозглашена «защита социально-экономических и трудовых прав и интересов членов организации» [там же]. «Начиная с 1989 г. Иркутский областной профсоюз работников народного образования начал использовать такие формы борьбы за свои права, как коллективные акции протеста: забастовки, митинги, голодовки, «живые цепочки» и т. д.» [там же]. Целью данных акций было «сокращение безработицы, ликвидация задолженностей, своевременная выплата зарплаты и повышение жизненного уровня (т. е. повышение зарплаты)» [там же]. В конце 1980-х гг. в городе Железногорске Иркутской области по причине невыплаты заработной платы были проведены «митинги, пикеты и шествия с плакатами» [16, с. 86], что вызвало «огромный резонанс» [там же] в городе. Также были посланы телеграммы высшему руководству страны. В результате митингующие добились на местном уровне «прибавки к зарплате небольших процентов классным руководителям и учителям за проверку тетрадей» [там же]. Заведующий ГлавУНО П. Юшманов в интервью «Учительской газете» приводил много примеров, как школа может и сама зарабатывать. «На базе школ стали появляться малые предприятия, кооперативы, ателье. Школьные сельские и лесные хозяйства переходили на хозрасчетную основу» [4, с. 5]. Таким образом, помощь из госбюджета стала сокращаться, и ГлавУНО стало ориентировать школы на по-

иск собственных дополнительных источников дохода. А государство стало перекладывать часть экономических обязательств на самих бюджетников. Одной из первых акций протеста иркутских учителей, согласно газетным и книжным публикациям, был пикет возле здания управления Восточно-Сибирской железной дороги в апреле 1991 г., устроенный учителями железнодорожных школ. Требования касались всех «тридцати с лишним железнодорожных школ, от Усть-Илима до Бурятии» [11]. Данные требования сводились к повышению на 40 % («с января 1991 г. всем российским учителям повысили зарплату на 40 %» [11]) заработной платы, дотациям на питание, квартирному вопросу и вопросу о путевках. Но «руководство ВСЖД с пикетчиками не встретилось» [11]. Таким образом, первый опыт протестной борьбы иркутских учителей оказался не слишком удачным (удалось добиться лишь признания существования проблемы, которая и так была на лицо). В 1991 г. председатель Иркутского областного оргкомитета по социально-экономической защите работников народного образования А. Кондрашова отмечала, что «обстановка в народном образовании слишком накалена и грозит социальным взрывом» [7]. Столь серьезное заявление имело столь же вескую причину, ведь 1991 год «в разных городах страны начался митингами и забастовками учителей, угрожавшими перерасти в забастовку всеобщую» [7]. Но ее удалось предотвратить, по мнению А. Кондрашовой, за счет того, что «Верховный Совет и правительство России приняли решение о повышении зарплаты работникам народного образования» [7]. В Иркутской же области к делу защиты учителей подключился Иркутский облисполком, который своим решением от 11 января 1991 г. «предусмотрел меры, облегчающие вхождение в рынок гуманитарной сферы» [7]. Таким образом, обстановка в народном образовании была признана властями социально взрывоопасной, и были предприняты меры для недопущения как акций протеста в отдельных городах и регионах России, так и их перехода во всеобщую забастовку. В целом на территории Иркутской области в 1992 г. острой конфронтации удалось избежать «с помощью согласительных комиссий» [3], и многого удалось добиться без срыва учебных занятий. Лишь в г. Ангарске конфликт приобрел острый и затяжной характер, так как там «более двух недель бастовала 31 школа из 40» [3]. Педагоги требовали «немедленного исполнения президентского Указа № 1, а точнее положения, касающегося оплаты труда» [3]. В данном положении речь шла об увеличении ставок работникам образования до уровня средней зарплаты в промышленности. Но в данном положении были скрыты и существенные подводные камни. Во-первых, ставка и зарплата, а в особенности у учителя, это разные вещи. Ведь на оклад накручивались «доплата за кружки, региональные и северные надбавки, премии» [3], а это могло «в 3 раза превышать основную ставку» [3]. А во-вторых, данный указ не учитывал региональной специфики и процессов, происходящих в экономике. Ведь в Ангарске было предприятие «Ангарскнефтеоргсинтез», где была «высокая зарплата и бюджетники бы за ней не угнались» [3]. 1992-м же г. датируется создание в России Управления социальной защиты населения. Небезынтересно проследить и динамику развития протестных действий в целом

по России в начале 1990-х гг. и долю участия в них учреждений образования. «В 1990 г. забастовки проходили на 260 предприятиях, в 1991 – на 1755 предприятиях (6,1 % из них – учреждения образования), в 1992 г. – на 6273 предприятиях (78,6 % – учреждения образования)» [13, с. 299]. На состоявшейся в Москве 22–23 сентября 1992 г. Всероссийской учительской профсоюзной конференции были приняты очень серьезные решения – «обратиться в Конституционный суд с просьбой рассмотреть нарушение президентского Указа № 1, отстранить от работы министра образования России Э. Днепрова» [2]. И оснований для столь кардинальных мер у педагогов было достаточно. «Экономический кризис, закрытие предприятий» [2], отсюда – падение производства, которое привело к уменьшению налогов, и таким образом «расходы на бюджетников становятся для государства непосильными» [2]. Наблюдается тенденция переноса социально-экономической ответственности за народное образование в регионы. Применительно к Иркутской области речь идет о так называемых «ножиковских» надбавках. С 1 декабря 1993 г. были введены надбавки работникам бюджетной сферы (30 %), финансируемые из областного бюджета. Особую обеспокоенность у председателя Иркутского обкома профсоюза работников образования и науки вызывало в 1992 г. то, что «тяжесть расходов на образование перемещается на регионы, на областной бюджет» [2]. Ведь уже тогда «Иркутск был не в состоянии платить дифференцированные надбавки учителям» [2] из-за нехватки средств. В 1992 г. в Иркутске прошел пленум областного комитета профсоюза работников народного образования и науки. Оценивая тон выступлений на пленуме, в работе которого приняли участие и представители стачечных комитетов области, можно сделать вывод, что начало нового учебного года означало для учительства и начало нового этапа борьбы за свои права, ведь «главный лозунг “Президентский Указ № 1 – в жизнь!”», под которым разворачивалась осенне-весенняя забастовочная кампания 1991 г.» [10], не потерял своей актуальности и в 1992 г. Более того, кроме данного Указа «не выполнялся и принятый летом 1992 г. Закон об образовании» [10]. На данном пленуме «его участники, включая представителей стачкомов, решили поддержать инициативу Федерации независимых профсоюзов России и начать подготовку к проведению Дня коллективных действий» [10]. Его целью стало «через митинги, шествия, другие акции протеста (не исключая забастовку) потребовать от правительства корректировки курса реформ в интересах человека труда» [10]. Таким образом, на данном пленуме произошло объединение представителей стачкомов Иркутской области и Федерации независимых профсоюзов. Отсюда можно выделить особенность нового этапа борьбы, которая заключалась в отлаженности, согласованности действий не только отдельных, недавно еще разрозненных учительских стачкомов, но и в слиянии усилий стачкомов и профсоюзов. Таким образом, вопреки обещаниям, образование так и не стало приоритетной сферой государственного внимания. В отчете Иркутской областной администрации о работе за 1992 г. отмечалось, что область прожила его в условиях «негативных тенденций, сложившихся в экономике и усугубившихся в последние годы; влияния факторов, связанных с распадом и пе-

рестройкой политических и административно-хозяйственных структур; радикальных экономических реформ; противоречивости и недостаточности правового обеспечения этих реформ» [6]. Региональная иркутская власть основную вину за тогдашнее положение дел в стране и области возложила на российское правительство, но его курс реформ она не только поддерживала, но и считала данный курс еще и слишком мягким, медленным и незавершенным, а один из выходов из кризиса местная власть видела в передаче собственности и полномочий на региональный уровень. В этом же отчете в разделе, посвященном социальной сфере, отмечалось, что «позиция администрации в сфере оплаты труда была направлена на выравнивание зарплат в бюджетных отраслях и промышленности» [6]. Но в то же время отмечалось, что «при росте заработной платы в 1992 г. в 12,5 раза цены выросли в 16,6 раза» [6]. Был, конечно же, и ряд положительных тенденций в Приангарье. Так, например, «с 1 января 1993 г. в Иркутской области с целью повышения оплаты труда были введены выравнивающие коэффициенты» [14]. Таким образом, «уровень оплаты в Иркутской области, наряду с Красноярским краем и Кемеровской областью, стал самым высоким в Южной Сибири» [14]. К тому же Иркутская область к 1993 г. по объемам «бюджетного обеспечения переместилась с последнего места на первое в Восточной Сибири» [14]. По мнению лидера Иркутской областной профсоюзной организации работников народного образования и науки Ю. Бакштановского, в 1994 г. «забастовка была крайней мерой, когда исчерпаны все другие законные пути решения проблемы» [1]. Данное заявление интересно тем, что впоследствии в Иркутской области профсоюз работников народного образования активно участвовал в различных акциях протеста педагогов, а это, в свою очередь, говорит о том, что ситуация в сфере народного образования в регионе ухудшилась по сравнению с 1994 г., так как профсоюз решился на забастовку, т. е. на крайнюю меру. В 1994 г. членов профсоюза образования «более всего волновал вопрос справедливой оплаты труда» [1].

В 1994 г. в Иркутской области наметилась положительная тенденция в вопросе погашения долгов по заработной плате учителям, но данная тенденция проявлялась территориально неравномерно, так как только в трех городах – «Иркутске, Ангарске и Шелехове» [9] финансовое положение школы было стабильным, да и то относительно. В школьных учреждениях этих городов «не было многомесечных долгов по зарплате и отпускным учителям» [9]. «Осенью 1994 г. начались первые акции протеста в связи с тем, что по Иркутской области не было произведено повышения зарплаты в соответствии с постановлением Правительства РФ» [16, с. 92]. «27 октября 1994 г. в г. Иркутске на площади возле Дворца спорта собрались на митинг профсоюзные лидеры, активисты и просто граждане, доведенные до отчаяния обострением социальных проблем» [15]. Это была коллективная акция протеста представителей различных профессий. Среди вопросов, которые поставил митинг, были «углубляющийся спад производства, рост явной и скрытой безработицы, обнищание работников бюджетной сферы и социально незащищенных слоев населения» [15]. Характерной особенностью данного митинга было

участие и активная роль в нем коммунистов. Необходимо отметить, что требования были уже не только экономические, но и политические, и по ним можно сделать вывод об усилении протестных настроений в обществе Иркутской области, и даже о радикализации данных настроений, так как среди требований были – «изменение государственного экономического курса, срочные пере выборы президента и отставка правительства» [15]. Широкий спектр профессий, представленных в среде митингующих, говорит о кризисе во многих отраслях. Таким образом, данный митинг, в ряду других схожих акций протеста, указывает на тенденцию преобладания коллективных действий протестного характера в Иркутской области. Причем данные действия объединяли не только представителей различных отраслей, но и политические силы, стоящие в оппозиции к действующей власти. Необходимо также отметить, что данный митинг проходил в рамках всероссийской акции протеста. «В 1995 г. начались проблемы с невыплатой зарплаты» [16, с. 93]. В марте 1995 г. состоялась иркутская областная отчетно-выборная профсоюзная конференция работников народного образования и науки. Характерной особенностью данной конференции было то, что на ней были подведены итоги минувшего пятилетия. Выступающие констатировали, что «профсоюз (в отличие от других отраслевых) не только не потерял за прошедшие годы численность, но, напротив, вырос, стал сильнее» [8]. В пример приводилась «выработка новых, отвечающих времени средств борьбы, таких как – переговоры с правительством и администрациями, митинги и забастовки, создание забастовочных фондов и фондов солидарности» [8]. Действительно, можно говорить о том, что к середине 1990-х гг. в Иркутской области наблюдалась тенденция увеличения численности профсоюзов и усиления их роли в отстаивании интересов и прав трудящихся, в том числе и посредством протестной борьбы. Подтверждением данной тенденции может служить факт поддержки педагогами области действий профсоюзов. Так, в середине 1990-х гг. в Иркутской области «профсоюз охватывал свыше 90 % работников образования и науки, студентов, учащихся» [8]. В результате участники конференции пришли к неутешительным выводам о том, что «социальная погода весной 1995 г. будет ничуть не более благоприятной, чем весны 1994 г.» [8], которая, к слову сказать, прошла под угрозой всеобщей забастовки. Но, несмотря на то, что участники конференции потребовали незамедлительно принять меры по погашению задолженности по зарплате учителям Иркутской области, никаких угроз, связанных с акциями протеста, педагоги не выдвинули. Необходимо также отметить, что требования работников народного образования и науки носили только экономический характер, но не политический. «В 1995–97 гг. начался период забастовок, вызванный массовой невыплатой заработной платы, отпускных, сокращением рабочих мест» [16, с. 127]. 15 марта 1995 г. губернатор Иркутской области Ю. А. Ножиков впервые обратился с ежегодным посланием о положении дел в регионе к депутатам Законодательного собрания и всем жителям области. В части, посвященной общеэкономической ситуации, было отмечено, что «финансовая и платежная дисциплина остается низкой, что приводит к неполному финансированию бюджетной

сферы» [12]. В подтверждение этого констатировалось, что «в течение всего 1994 г. имели место задержки выплаты зарплаты учителям, врачам, работникам культуры и др., что вызвало социальную напряженность в этих отраслях» [12]. Для ликвидации данной задолженности администрация Иркутской области приняла меры – были «приостановлены перечисления платежей в федеральный бюджет» [12]. И к концу 1994 г. «задолженность в основном была ликвидирована» [12]. Немаловажным аспектом политики властей в отношении образования стало то, что вся деятельность по управлению системой народного образования в 1995 г. должна была проводиться «в рамках реализации основных положений Закона РФ “Об образовании”» [12]. В Иркутской области к середине 1990-х гг. наблюдалась также тенденция ухудшения социально-экономического положения в сфере высшего и среднего профессионального образования. Данная тенденция обосновывается рядом фактов. В вышеобозначенной сфере образования в данный период наблюдался «уход квалифицированных кадров из учебных заведений в промышленность и коммерческие структуры» [12] по причине «невысокой заработной платы» [12]. «Академические научные учреждения и вузы в недостаточной мере финансировались из федерального бюджета» [12]. Наглядным подтверждением данного факта являлся уровень средней зарплаты в этих учреждениях, которая была «на треть ниже, чем в целом по бюджетной сфере» [12]. По итогам своего послания Ю. Ножиков сделал вывод «о возникновении реальных предпосылок для выхода из полосы кризисного развития» [12], а также о «необходимости дальнейшего продвижения по пути радикальной экономической реформы и стабилизации обстановки» [12]. Таким образом, глава Приангарья поддерживал в середине 1990-х гг. внутреннюю политику, проводимую Президентом и Правительством РФ, несмотря на вышеизложенные социально-экономические издержки. В целях стабилизации экономической обстановки в Иркутской области был разработан проект программы действий областной администрации на 1995–1997 гг. 12 апреля 1995 г. в день единых действий профсоюзов России в защиту прав трудящихся в г. Иркутске тоже состоялся митинг у Дворца спорта. На нем помимо экономических требований, таких как «вернуть долги по зарплате, остановить спад производства, предотвратить обвальную безработицу» [5], прозвучали и политические: «досрочные выборы президента и отставка правительства» [5]. Таким образом, в обозначенный период в Иркутской области региональная власть берет на себя ряд социально-экономических обязательств перед педагогами Приангарья, дабы снизить протестную активность областного народного образования. Главенствующая роль местной региональной власти в решении социально-экономических проблем объясняется тем, что с приходом так называемых «младореформаторов» к власти в России не произошло кардинальных изменений в социальной сфере. Причиной тому были первостепенность и приоритетность борьбы за власть, слабая финансовая база, начавшееся радикальное реформирование России и отсутствие внятной концептуальной составляющей социальной политики. В период конца 80-х – первой половины 90-х гг. XX в. в Иркутской области отмечался генезис протестных настроений в сфере на-

родного образования в сторону их усиления и радикализации. В результате можно выделить 3 этапа в развитии данных протестных настроений, каждый из которых характеризовался превалированием определенного приоритетного требования или задачи. Для первого этапа протестной борьбы учителей Приангарья характерно требование повышения оплаты своего труда. На втором этапе протестная борьба развернулась вокруг президентского Указа № 1, т. е. приоритетным было опять же требование повышения зарплаты, но специфика данного этапа заключалась в том, что, во-первых, педагоги требовали повышения на основании данного Указа, а во-вторых, повысить зарплату должны были до уровня средней зарплаты в промышленном секторе. Третий этап характеризовался требованием погашения долгов по зарплате педагогам. Кроме того, на данном этапе появляются наряду с экономическими требованиями и требования политического характера. В целом же для социального протеста в сфере народного образования в Иркутской области в обозначенный период (конец 80-х – первая половина 90-х гг. XX в.) характерны увеличение численности представительства, коллективных межотраслевых акций протеста. Кроме того, данные акции начинают приобретать всероссийский характер, и в них начинают участвовать политические силы, оппозиционные действующей власти, в частности КИРФ.

Литература

1. *Бакитановский Ю.* «Надо ли бряцать оружием?» // Учительская газ. – 1994. – 1 нояб.
2. *Галкина В.* Беседа с А. М. Кодрашовой, председателем Иркутского обкома профсоюза работников образования и науки // Учительская газ. – 1992. – 13 ок.
3. *Галкина В.* В Иркутске учат, в Ангарске бастуют // Учительская газ. – 1992. – 19 мая.
4. *Галкина В.* Что делать? Табуретки! // Учительская газ. – 1991. – № 77. – 12–19 февр.
5. *Ермолаев В.* Весна, любовь и голод, или Без стипендии, но с ОМОНОм // Земля. – 1995. – 22 апр.
6. Изучить ошибки и промахи. Углублять реформы : [отчет Иркутской областной администрации перед областным Советом народных депутатов о работе в 1992 г.] // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 13 мая.
7. *Кондрашова А.* «Защиту и помощь» // Вост.-Сиб. правда. – 1991. – 30 апр.
8. *Мадьярова Д.* Весна не обещает быть погожей // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 15 марта.
9. *Мадьярова Д.* Жить, а не просто выживать // Вост.-Сиб. правда. – 1994. – 13 сент.
10. *Мадьярова Д.* Отступить дальше некуда // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – 14 окт.
11. *Мадьярова Д.* Утро у парадного подъезда // Вост.-Сиб. правда. – 1991. – 16 апр.
12. О политико-правовом и социально-экономическом положении области и задачах органов власти в 1995 г. : [послание губернатора Иркутской области Ю. А. Ножикова] // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – 17 марта.
13. *Осмачько С. Г.* Политическое и социально-экономическое развитие СССР, РФ (1985–99 гг.) / С. Г. Осмачько. – Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2003. – 358 с.
14. *Пронин Ю.* «Пятилетка губернатора» // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – 7 авг. – С. 3, 6.

15. Профсоюзная вечерня в конце октября // Вост.-Сиб. правда. – 1994. – 29 окт.

16. Прошлое и настоящее Иркутской областной организации общероссийского Профсоюза образования в воспоминаниях современников / [отв. за вып. А. И. Сайфудинов, И. Н. Чертовских]. – Иркутск, 2005. – 208 с.

Social Protest in Public Education in the Irkutsk Region at the End of 80s – the First Half of 90^s of the 20TH Century

E. S. Obolkin

Genesis of social protest is probed in the field of folk education in the Irkutsk area at the end of 80th – to the first half of 90th of XX age. Activity and role of trade unions of region is analysed in social protest, description of requirements of social protest in the field of folk education and methods of fight for their realization, measures, undertaken power in connection with social protest in education, results of protest motion of folk education in the Irkutsk area.

Key words: social protest, strike, folk education.

Оболкин Евгений Сергеевич – аспирант кафедры истории Иркутского государственного технического университета